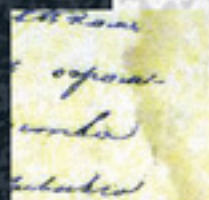

ГРАНИ
ФИЛОСОФИИ

В. А. Кутырев

Человеческое и иное: борьба миров

DirectMEDIA

Грани философии

Владимир Кутырёв

**Человеческое и
иное: борьба миров**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 001.18
ББК 60.032

Кутырёв В. А.

Человеческое и иное: борьба миров / В. А. Кутырёв — «Директ-Медиа», 2014 — (Грани философии)

Завершение триптиха «Борьба миров»: естественное и искусственное – 1994; культура и технология – 2001, применительно к философской онтологии и антропологии. Время поставило под вопрос идентичность человека как родового существа. Экспансия экономизма и технологий ведет к утрате им качеств субъекта. Социогенетики готовятся изменять его тело, а информационная реконструкция духа превращает личность в виртуального агента коммуникаций. Отражением этих процессов в символическом универсуме правомерно считать философию трансмодернизма. Раскрывается ее антибытийный смысл, обсуждаются возможности противостояния регрессии человеческого мира к «иному». Рассмотрено возникновение трансцендентального когнитивизма, ведущего к превращению смыслового мышления в технический интеллект. Исходя из идей археоавангарда, предложена парадигма консервативного философствования, современной, отвечающей гуманистическим ценностям формой которого является феноменологический реализм. Предназначена для философов *ex professo*, но может быть полезной другим гуманитариям и всем аспирантам всех специальностей.

УДК 001.18
ББК 60.032

© Кутырёв В. А., 2014

© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Введение	6
Глава I. Человек XXI: экономизм и технология против духовности	10
1. Духовность	10
2. Экономическое общество	14
3. Как возможна постэкономическая цивилизация	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Александрович Кутырёв

Человеческое и иное: борьба миров

Введение

Это наша третья книга о переживаемой современным человечеством драме, которую, не преувеличивая, можно характеризовать как «борьбу миров». Первые две были: «Естественное и искусственное: борьба миров». – Нижний Новгород, 1994; «Культура и технология: борьба миров». – Москва, 2001. Если, конечно, не считать знаменитого романа Г. Уэллса «The war of the worlds». – Лондон, 1898, где речь шла о нападении на людей пришельцев с других планет. Г. Уэллс великий фантаст, однако он не предвидел, что инопланетяне могут возникнуть из и среди нас, на Земле; что дело дойдет до возможностей радикальной трансформации человека в результате его собственной деятельности; и что найдутся люди, которые этот процесс будут приветствовать и сознательно ускорять.

В настоящее время в человеческом сообществе возникла тенденция отрицания своей идентичности, все чаще раздаются призывы к ее замене какой-то другой, «более совершенной». Появились адепты неограниченной экспансии биотехнологий, информатики, виртуализации, искусственного интеллекта и т. п. достижений Hi-tes. Они больше не маскируются, утверждая, что произведенная, полностью техногенная реальность должна неизбежно прийти на смену эволюционно развившемуся естественно-предметному миру, в том числе традиционному, «историческому» человеку. Подобного рода взглядов перестали бояться. Сознание их носителей похищено силами Иного и жаждет как можно скорее «расчеловечить» человека, лишив его специфической сущности живого. На мировоззренческую сцену вышли «смертвотворцы», сторонники отказа людей от биологического субстрата. Некое сущее останется, но это будет не «ветхий Адам», не человек, а антропоид или вообще, новый, неизвестный, хотя обязательно более мощный Разум. Все еще выступая от имени людей, они фактически отождествляют себя с тем/и, что/кто к ним больше не относится.

В подтверждение сказанного сошлемся, не вдаваясь в библиографические подробности, на известного Ф. Фукуяму. «Биотехнология предоставляет нам средства, позволяющие завершить то, что не удалось специалистам по социальной инженерии. *И тогда мы окончательно покончим с человеческой историей, поскольку мы отменим „человеческие существа“ как таковые. И тогда начнется новая история, история по ту сторону человеческого*».¹ Объективности ради следует признать, что нам тоже приходилось писать о постчеловеке, при том с конца 80-х годов.² Но мы писали в плане предупреждения, как об угрозе, которой надо противостоять. С тех пор непосредственно и потенциально геноцидные направления технауки добились в своем развитии впечатляющих успехов. Они оформились в специфические философские направления: трансмодернизм, трансгуманизм, гуманология, персонология и др. Суть этой новой мировоззренческой парадигмы в том, что благо существующего человека перестает быть целью человечества, а само оно объявляется средством для создания его некой высшей формы, фактически же материалом для дальнейшего прогресса науки и техники. Который(х) «не остановишь».

Ситуация складывается не просто сложная, критическая, а странная, близкая к абсурду. Еще два десятка лет назад мир, озабоченный своим будущим, гудел как растревоженный улей. Состояние природы, экология, разоружение волновали самые широкие слои общества,

¹ Цит. по: П. Вирилио. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 173.

² См.: Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания. // Природа. 1989. № 5. С. 3–10.

не говоря об его выдающихся представителях, т. е. людях, способных видеть дальше своего носа. Доклады Римского клуб о «пределах роста», теоретические дискуссии и уличные манифестации, международные договоры о допустимых нормах загрязнения воды, почвы, воздуха – общество предпринимало меры по сохранению среды обитания как условия дальнейшего продолжения жизни. В 1992 году в Рио-де-Жанейро государства планеты в лице своих высших представителей договорились о необходимости перехода экономики к устойчивому (sustainable), то есть стабилизированному, то есть ограниченному по параметрам природно-антропологическим константам земного бытия, развитию. Человечество боролось за жизнь, за поддержание ее качества, адекватного своей естественно-исторической сущности. Теперь на этот счет как бы все успокоилось, хотя уничтожение природы, стремительное окружение себя чуждой жизни искусственной средой не прекращается. Те, кто напоминает об опасных последствиях продолжения такого процесса, вызывают досаду, на них смотрят как на чудаков, «зеленое меньшинство». Судьба природы, да собственно и человека как родового существа брошена на произвол судьбы. «Устойчивое развитие» интерпретируется прямо противоположным первоначальному замыслу образом: как можно быстрее увеличивать ВВП, как можно больше потреблять энергии как можно большему числу стран, хотя многие из них лопаются от перенаселения и перепотребления. Не знают куда выбросить произведенное. Реализуют чудовищные по своему влиянию на окружающую среду и самого человека проекты. Безумие гонки вооружений возведено в высший разум и экономическую доблесть. Правительства соревнуются, кто кому сколько и насколько больше продаст средств уничтожения. Решение глобальных проблем стало заложником политики глобализма как безграничного потребления и «дурного» новационизма внутри стран и в мировом масштабе. К чему все это ведет, предпочитают не думать, а думающие люди впадают в тягостный пессимизм.

В последнее время, особенно в связи с феноменом международного терроризма, центр теоретического внимания человеческого сообщества переместился на социум, на взаимоотношение культур и судьбу культуры как таковой. Возмущаются (не только у нас) наступлением антикультуры, цинизма, пошлости, рыночного отношения к духовным ценностям. Утратой «социального капитала». Но причины этого не частные. Они в том, что передовой отряд прогресса – наиболее могущественные в финансово-техническом отношении, в основном западные, страны не только перестали «культивировать культуру», но и позиционировать себя в качестве таковой. Запад – Цивилизация, «проклятая доля» (Ж. Батай) которой в том, что все высокие цели и ценности уступили место погоне за богатством и комфортом. При этом она противостоит и агрессивно атакует общества, в которых сохраняют свое значение религия, мораль, национальное самосознание, семья, половой диморфизм, любовь, дружба и другие формы «традиционной» культуры. В цивилизации культурное регулирование социальной жизни вытесняется социотехническими и просто техническими формами. Приверженность культуре, ее нормативным требованиям квалифицируется как закрытость, тоталитаризм, фундаментализм и т. п. нарушения прав человека, под которыми имеются в виду права индивида. Нарушать их дозволено и они все более массово нарушаются, главное при этом, чтобы «извне», биометрически и информационно контролируя поведение «человека без свойств» со дня рождения до гробовой доски. Которого, однако, почти не видят. Все заглушается восторгами по поводу очередных достижений в изобретении новых технологических методов вмешательства в когда-то священную личную жизнь. И, наконец, этап «снятия» человека как такового, которое если не прямо одобряется, то забалтывается пустяками, такого же рода выгодами, патологическими удобствами и т. д. «Новый прекрасный мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла, «Заводной апельсин» Э. Берджеса, кинематографические фантазии на тему тотального господства техники и информатики реализуются на глазах. Однако в наших глазах нет страха, с уст не срываются крики ужаса. Торжество антиутопий воспринимается как должное, необходимое, обусловленное объективными обстоятельствами.

М. Хайдеггер подчеркивал, что угроза человечеству идет не от разрушения природы, возможной войны или деградации общества. Это все следствия. Проблема в том, что мы перестаем думать. «Наука не мыслит». Она измеряет и вычисляет, *использует*, превращая бытие в сподручное сущее. В том числе людей. Инструментальный подход к миру не дает возможности понять, куда он на самом деле движется. В таком случае можно сказать, что фундаментальная катастрофа человечества в том, что никакой катастрофы не произойдет. Ее никто не заметит. Выхолащивание, растворение, исчезновение человеческого осуществляется молча. Люди не будут знать, когда их не будет.

Но не все. И не в темпе «как можно быстрее». Мы относим себя ко второй партии – консерваторов, «археоавангарду», сторонникам сохранения природы, культуры и человека. Сохранения как можно дольше. И борьбы за это – до конца! При любом, даже трагическом обороте дела – за достоинство человека как чувствующего и мыслящего существа.

Книга о взаимодействии естественного и искусственного в основном была посвящена общим вопросам мировоззрения и экологии. В «борьбе миров» культуры и техники обсуждалось состояние общественной жизни и проблемы культурологии. Данная завершающая часть нашего «триптиха» относится к области философской антропологии и соответствующей ей онтологии. В ней рассматриваются возможности поддержания идейными средствами *человеческого сущего как человеческого в человеке*. Мы намерены показать, «кто есть кто» в борьбе вокруг судьбы человека, какие тенденции и теоретические течения служат его выживанию, а какие уничтожению. События в символическом универсуме не только отражают то, что происходит в предметном мире, но и включаются в него. Победа того или иного идейного направления тормозит или ускоряет совершающиеся в нем события. Хотелось бы способствовать продолжению человеческой истории. Более того, уповая на нелинейность мировых процессов, ее вечности.

В смысловом отношении текст построен по принципу 3-х концентрических кругов. Или «колец». Все вокруг человека. Но если в действительности они его сжимают, грозя задушить, то мы стремимся их разомкнуть.

Состояние окружающей природы так или иначе воплощается во внутренней природе людей, их духе и телесности. Культура общества проявляется в уровне развития отдельного индивида, том или ином его типе. В первых двух главах работы исследуются процессы, происходящие в «предметном мире»: влияние экспансии техники и экономики на духовность человека ведет к ее истощению до «знательности», превращению личностей в акторов, агентов, в «человеческий фактор» и, постепенно, к демонтажу естественных форм продолжения их рода – замене социальным и биотехническим конструированием. Показывается, что так называемая сексуальная революция на самом деле была контрсексуальной. В западном обществе произошла сексуальная контрреволюция. Исчезновение любви является следствием и одновременно обуславливает духовное и социально-практическое бесплодие цивилизации, которая в своем дальнейшем существовании вместо творческих сил человека все больше опирается на саморазвитие техники. Именно эти процессы заставляют думать, что «постчеловек» не пустая фраза или метафора, а возможная или уже существующая сущность.

Обсуждая влияние изменений в предметном мире на перспективы человечества, теоретики дружно признают их принципиально качественный характер. Из естественного он стал преимущественно искусственным. Однако с точки зрения философской антропологии надо сказать резко: возникает другой мир. Или миры, в которых люди не могут жить, хотя в них действуют. Как существа, попавшие на чужую планету. Как инопланетяне. В конце XX века образовалась среда, несоразмерная не только возможностям функционирования (нечем дышать, нет или слишком сильное притяжение), а самому субстрату человека. Она не просто слишком мала (микро) или слишком велика (мега), а принципиально беспространственна. Бестелесна. Это Double world – мир информации, виртуалистики. Третья и четвертая глава книги посвя-

щены влиянию на судьбу человека информационной реальности и планам его реконструкции с целью приспособления к ней. Что ему предлагается взамен тела, во что превращается субъект и, в конце концов, куда уносит человечество его бездумное внедрение в новую реальность. Показывается, что философский постмодернизм, деконструкция и грамматология – это идеология computer science. Применительно к человеку – это идеология его снятия, элиминации, включения в виртуальный мир, в котором от людей остаются складки и сингулярности. В лучшем случае – персонажи. Вся борьба с тео-этно-фалло-фоно-логоцентризмом – это борьба с «человеческим, слишком человеческим». Но не ради усиления жизни и сверхчеловека, как у Ф. Ницше, а в пользу ноо-техно-инфо-интеллоцентризма, как «бесчеловеческого, слишком бесчеловеческого». В пользу Иного. Предел и удел постмодернизма – это трансгрессия, трансмодернизм и инонизм.

Сопротивляясь этому «уделу», задача философии, по-видимому, в том, чтобы, учитывая завершенность метафизики, вырабатывать такой тип философствования, который отвечал бы новым реалиям и в то же время сохранял человека. Его цель – «апология человеческого» вопреки наличию объективных тенденций и субъективных намерений его уничтожить. Она противостоит парадигме «It from bit», антиисторической и антибытийной. Ответственно мыслящие теоретики часто говорят о необходимости «возвратиться к истокам». Но тогда надо идти против течения. Не обязательно тем же путем, однако, всегда в направлении жизни. Показывается, как человеческий дух, «шестуя» по пути прогресса, отчуждался и редуцировался от непосредственной включенности в бытие через мифологию и мудрость к знанию и информации. Мы предлагаем парадигму консервативного философствования, которое можно назвать «феноменологическим реализмом», вписывая его в историю развития европейской духовности.

Третье кольцо (6 глава и «Вместо заключения») посвящено анализу этих процессов в XX-XXI веке, времени, которое можно считать настоящим «криком о небытии», когда после структурно-лингвистического поворота метафизика подверглась прямому отрицанию. Мир-картина превратился в мир-материал, а сознающий себя субъект в безличного агента сетей. Индивид распадается на «дивидов», человек теряет собственную идентичность, вместо онтологии предметной реальности возникает виртуализм и онтология коммуникаций.

Постмодернизм трансгрессирует в «пост-постмодернизм» или, позитивно говоря, возникает нигитологическое, трансмодернистское (не)бытие.

Показано, что предтечей трансмодернизма как когнитивизации предметного мира была трансцендентальная философия И. Канта и феноменология Э. Гуссерля, а фундамент под движение от поэмы к математике, под замену логоса матезисом подводится в работах Ж. Делёза и Ж. Деррида. Завершением тенденции когнитивизации бытия является возникновение «мышления без сознания», замена смыслового отношения к миру чисто формальным, математическим. Превращаясь в искусственный информационно-технический интеллект, такого рода когнитивное мышление сливается с цифровой реальностью иного.

К концу каждого «кольца», особенно по завершении третьего круга, мы показываем как желательно, нужно и должно сопротивляться трансгрессирующему снятию «нашей реализации» одного из возможных миров. Предложена парадигма консервативного философствования, которая вписывается в историю развития европейской духовности. Ее можно назвать «феноменологическим реализмом». Показывается, как консервативная философия дает надежду на поддержание антропологической идентичности, на то, чтобы остаться *Homo vitae conscience sapiens*. Как стоя в потоке становления, направлять его в круг Вечного Бытия.

Глава I. Человек XXI: экономизм и технология против духовности

1. Духовность

Благотворный взгляд на вещи задается заботой о них. Она ведет мысль в нужном направлении, не позволяя отвлекаться на все, что вокруг или приходит в праздную теоретическую голову. В отношении духовности ключевой проблемой становится ее утрата, бездуховный способ существования людей. Не просто на уровне индивида, личности, а как социальное явление, как критическое для судьбы человечества развитие современной цивилизации. Отсюда все дискуссии и тревоги. Только имея в виду эту драматическую борьбу вокруг духовности, стоит обсуждать и корректировать общие представления об ее природе, видах, истории.

«Умъ м., – определял В. Даль, – общее название познавательной и заключительной способности человека, способности мыслить; это одна половина духа его, а другая нравъ, нравственность, хотенье, любовь, страсти...»³

Как видим, в «классическую эпоху» духовное отношение к миру включало в себя ум, нравственность и чувство – то, что в философии называется идеальным и противопоставляется материальному. Определение В. Даля ценно четким разграничением Ума, рациональности с одной стороны, и нравов, чувств – с другой. Говоря категориально, разграничением познавательного и этико-эстетического отношения к миру. С ним совпадает трактовка Духа В. Соловьевым как единства Истины, Добра, Красоты. Не случаен также его призыв к всеединству, ибо он увидел перерастание различий между ними в их опасный отрыв друг от друга. Несмотря на такого рода, раздававшиеся во всех обществах призывы, в конце XX – начале XXI века распад Духа усилился. К нему привела экспансия знательности, информационности, вытесняющая и подавляющая «вторую половину» Целого. И сейчас, когда сожалеют об утрате духовности, фактически имеется в виду продолжение этого процесса. Ум, знания, наука не умахаются.

Страдают Добро и Красота, мораль и эстетика. Бездуховный человек, бездушное общество не означают роста глупости людей или «всё плохо». Напротив, люди становятся более деловыми и интеллектуальными /по крайней мере пока/. Живут богаче, комфортнее. Но механичнее, теряя способность к сопереживанию и любви; становятся более активными и функциональными, но отчужденными, анестезированными, теряющими чувство жизни; роботообразными. В таком контексте под духовностью понимается не вся идеальная сторона человеческого бытия, а его «вторая половина», или, может быть точнее, «две трети». Деграция Духа, отмирание его нерационального, неинформационного состояния – вот *Zeitgeist*, дух нашего времени.

Обездушивание мира коррелятивно его обескультуриванию. По содержанию это один и тот же процесс. До XX века в культуру как нечто очевидное включалась наука. Однако ее развитие привело к ее обособлению. Теперь говорят о культуре *и* науке, культуре *и* цивилизации как самостоятельных формах жизнедеятельности. Культура – то, что «остается» после выделения из нее науки и техники /цивилизации/. Так же с Духом, духовным отношением к миру. Это то, что осталось от прежнего Целого, что не захвачено рациональностью и технологией. Поскольку понятия культуры и духовности обуславливают друг друга, утрата духовности есть

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб, 1996. Т. 4. С. 494.

утрата культуры, ее превращение в цивилизацию. И наоборот, утрата культуры есть утрата духовности, ее превращение в расчет и информацию. Разница между ними в том, что культура представляет собой некое институциональное состояние духа, а дух – это непосредственное содержание, сердце и кровь культуры. При философском рассмотрении проблем целесообразнее иметь дело с живым началом.

Уяснение, что потеря духовности тождественна безнравственности и бесчувственности жизни, утрате в отношениях между людьми добра и красоты снимает налет консервативного сентиментализма с оценки складывающейся ситуации. Ведь многие как бы готовы жить без духа и без культуры, считая их архаикой – «в цивилизации», но не отдают отчета, что это жизнь без совести и любви. К ней они «не готовы». Стремящиеся к окончательной победе цивилизации – экономики, науки и техники забывают, что в таком обществе нельзя апеллировать к чести, долгу, совести, благородству, другим лучшим качествам личности, а когда это делают / не выразив в долларах как моральный ущерб/, то в силу инерции, предрассудков и что жить бездуховно, значит жить утилитарно, безыдейно. Суть катящихся по миру либеральных революций состоит в отказе от духовности и культуры, их полной замене финансово-экономическими отношениями, на плечах которых восседает, вкатывается социотехнический тоталитаризм. Собственно это и есть глобализм, «конец истории», принимать который они тоже пока не хотели бы.

Ставя задачу проникновения в существо какого-то явления, исследователь зачастую должен уподобиться сказочному Ивану-царевичу, искавшему смерть Кощея бессмертного, которая была на кончике иглы, спрятанной в яйце, яйцо было в утке, утка в сундуке, а сундук на высоком дереве. Герою важно сделать изначально правильный шаг. Совершить Доброе Дело. Тогда у него появляется много помощников. Медведь повалил дерево, коршун напугал утку, щука выловила выпавшее из утки яйцо, а уж иглу он обломил сам. Добро в защите духовности состоит в том, что это, по большому счету, отстаивание сохранения особой, уникальной формы земного бытия, какой является человек. Могут, конечно, мыслиться или появиться другие формы бытия, но наша принадлежность к «человеческой», дает нам полное право считать ее высшей, а добро ее защиты – абсолютным.

Убедившись, что содержанием духовности является нравственность и любовь, можно считать, что удалось, повалив дерево, выпустить утку. Теперь надо разбить яйцо. Надо раскрыть социальный смысл духовности. Какую роль она играет в человеческих отношениях, в развитии общества?

Практика и теоретический контекст употребления понятия духовность подсказывают, что ее социальным ядром является выход отдельного человека за пределы индивидуальной жизни, ориентация на общее благо. Это альтруизм, принцип служения, дара, противостоящие эгоизму, принципу полезности и эквивалентного обмена. «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе только такого, которое бы было благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира)».⁴ Духовность, особенно в своей моральной ипостаси, подчиняет интересы личности интересам общества, судьбу отдельного индивида потребностям сохранения человека как родового существа. Через нее выражается совместность бытия людей, право на существование в этом мире Другого. «**Быть** – считал М. М. Бахтин – значит **общаться**. Абсолютная смерть /небытие/ есть неслышанность, непризнанность, невспомянность. Быть – значит быть для другого и через него для себя».⁵ Принцип служения пронизывает, держит на себе содержательные проявления духовности: любовь, дружбу, верность, патриотизм и т. п. Все они, как следование любым идеалам, предполагают альтру-

⁴ Толстой Л. Н. Воскресение. Полн. Собр. Соч. Т. 13, С. 53.

⁵ Бахтин М. М. 1961 год. Заметки. Собр. Соч. Т. 5, С. 344.

истичность поведения, способность к самопожертвованию. Это «моральная моральность», о которой писал И. Кант, обосновывая ригористическую концепцию нравственности. Когда ее критикуют за утопизм и отрыв от реальной жизни, то забывают, что хотя в ней отражен один аспект существования – в чистом виде данный подход действительно односторонен, – без него прожить нельзя. Человек не может быть только эгоистом, если, конечно, он сохраняет в себе противоречие /«два человека»/, то есть является личностью.

Наиболее ярко принцип служения воплощается в религии. Церковь не случайно настаивает, что духовны лишь верующие в Бога и что безрелигиозный человек не может быть ни нравственным, ни любящим. В России в настоящее время существование духовности прямо обуславливается возрождением религии. Атеисты возражают, указывая, что среди них было и есть немало людей, готовых к служению и самопожертвованию, что эти свойства присущи человеческой природе. С биологической точки зрения в альтруизме воплощаются интересы вида. Материнство, забота о потомстве, защита сородичей – врожденные качества, инстинкт человека (находят «ген альтруизма»). Если брать общественные отношения, то «сам погибай, а товарища выручай», «раньше думай о Родине, а потом о себе» – принципы, исповедывавшиеся в светской культуре. Было бы неправдой сказать, что им никогда не следовали. Отдавали жизнь и за более абстрактные, не освященные религией идеи. И все же, если в охоте за Кашеем надо отломить кончик иглы, то он здесь – в религии. В ней норма самоотречения и жертвенности провозглашается наиболее жестким образом. Это ее фундамент, самый глубокий корень духовности.

Светская культура, научный (не христианский) социализм, другие формы безрелигиозного служения требуют подчинения личности обществу, человека как индивида человеку как родовому существу. Религия же предполагает подчинение чему-то высшему и родового человека, т. е. всего человечества. Она выносит вертикаль служения за границы частных, непосредственных отношений между людьми. Как известно, всякая замкнутая на себя данность в конце концов – умирает. Поэтому на стадии роста человек особенно нуждается в том, чтобы чувствовать себя в составе более общей и мощной целостности, которую и олицетворяет Бог. Бог – существо, которое надо любить и прославлять за дар бытия как таковой. Молитва – это благодарность Богу. Святые – его Угодники. Они мученики за веру, многие пожертвовали за нее жизнью, Пантеон святых и героев состоит из тех и только тех, кто жил не ради себя, а совершил подвиг во имя Бога, своего народа, государства. «Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя... Живем или умираем, – всегда Господни».⁶ Сын Божий Христос принял смерть «за всех», искупая вину родового человека. Быть альтруистом, служить другому, если об этом сказать по-русски – делать добро. И Бог по своей сути является выражением Добра. «Бог зла» – дьявол. Он – эгоист по определению, всегда. Поэтому логично, что за отказом от Бога следует отказ от принципа добра. Оно остаётся неукоренённым, бытийствуя по инерции, временно. «И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его». Бог и духовность связаны так тесно, что в истории философии возникло специфическое «нравственное» доказательство бытия Бога, в котором утверждается, что Бог есть необходимый постулат существования человеческого духа (в терминологии И. Канта – практического разума). С другой стороны, если человеческий дух существует, значит Бог есть.

Выходить за пределы собственных интересов, поступать ради другого – минимальное требование религиозности, совпадающее с моралью. Веды повествуют: «Был некогда спор между богами и демонами. И демоны сказали: кому нам отдать наши жертвоприношения? Они положили все приношения себе в рот. Боги же каждый положили приношения друг другу в рот. И тогда *Праджанати* – изначальный дух, предался богам». Итак, Высший Дух вселился в Бога. Закон служения, подобно Дхарме, Судьбе, Дао превосходит конкретных богов, когда

⁶ Послание к Римлянам. 14: 7–8.

их было много. В монотеистических религиях Бог становится непосредственным воплощением той сущности, которую любят, почитают, ради которой живут и жертвуют собой. Его славят, древние пели гимны, а не просили об удачной сделке или повышении оклада. Церковное действо не случайно называется службой. В пределе религия требует умаления человеческого «Я», эгоизма, «гордости» вплоть до деиндивидуализации и деперсонализации, слияния с Целым до исчезновения в нем. Нирвана, уход в «коллективное бессознательное», полная потеря своего Я является крайней формой альтруизма. Это самопожертвование, доведенное до логического конца – и как все доведенное до логического конца, оно становится злом, изуверством, формой ухода из жизни, что нередко случается в так называемых тоталитарных сектах. Они потому и тоталитарны, что не оставляют человеку никакой свободы. «В жизни» верующий решает житейские задачи, но подчиняет их стоящей над ней трансцендентной сверх-естественной силе. Тянется вверх, к Imagination, воображаемому состоянию. Возникает материально-идеальный, рационально-эмоциональный континуум, который все время напряжен. Это человеческая Душа как драма существования личности. Или Личность как человек духовный. У светской личности души, в строгом смысле слова, нет; вместо нее психика, но она также континуальна и напряжена. Несмотря на то, что этот континуум имеет другую, более «сплюснутую» конфигурацию напряжения, до тех пор пока сохраняется противоречие самости и служения, оно делает человека одухотворенным и живым.

И вот в конце XIX века, как объявил Ф. Ницше, «Бог умер». Скажем мягче – «умирает» (принципиально свершившееся событие реально растянуто во времени). Но тем самым отмирают глубинные основания нравственности, ее сплетенные с религией корни. Она вырождается в «этику» (бизнеса, управления, науки и т. д. как набор правил соблюдения правил игры) и в конце концов вытесняется правом. Возникает гражданское общество и правовое государство. Отмирают высшие, слитые с верой эстетические переживания. Образное психологическое искусство превращается в абстрактное, концептуальное и в конце концов вытесняется «игрой ума», прикладной науко-техникой. С утратой стремления к другому, высшему и, следовательно, разложением религии, ломается стержень культуры. Обобщая эти процессы, можно сказать, что формируется обезбоженная техногенная цивилизация. Право и технология, в отличие от нравственного и эстетического отношения к миру, опираются на рациональность, разум, который раз/б/пущая, постепенно подавляет прежние многообразные формы целостной духовной жизни.

Но почему и как умер Бог?

2. Экономическое общество

Наиболее основательный ответ на этот вопрос, как ни кажется парадоксальным, был дан в работах М. Вебера. «Люди, преисполненные „капиталистического духа“ теперь если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви. Благочестивая скука рая не прельщает столь деятельные натуры, а религия представляется им лишь средством отвлечь людей от трудовой деятельности в этом мире».⁷ А само «развитие „капиталистического духа“ может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма и должно быть выведено из его принципиального подхода к последним вопросам бытия».⁸ Вера в бога рационализировалась и истощалась вместе с распространением рыночных буржуазно-индивидуалистических отношений. В протестантизме, с его упором на спасение через собственный успех в труде, она вступает в противоречие со служением другому как сущностью духовного отношения к миру. Протестант, буржуазный человек живет ради дела, «служит» себе, в лучшем случае своей семье, утешаясь, что тем самым служит Богу или, для атеистов, обществу. /Общее благо образуются за спиной действующих себе на пользу индивидов/. Традиции, привычки, ритуалы, идеи и ценности, не сопрягающиеся с выгодой и эффективностью, теряют свое значение. Осмелимся вспомнить другого великого аналитика капиталистического образа жизни. «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“ и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“... Меновой стоимостью стало все: личное достоинство человека, профессионализм врача, юриста, вдохновение поэта, человека науки и т. д. и т. п. Даже семейные отношения сведены к „чисто денежным отношениям“».⁹

Идейно-политически отказ от принципа служения выражается в идеале свободной личности и либерализме, юридически – в концепциях правового государства, социально – в формировании открытого гражданского общества. Традиционные общества были закрытыми и закрыты они обычаями, верованиями, моралью, почитанием авторитета, любовью или страхом, прочими неоправданными перед лицом разума пред-рассудками. Для них характерно ценностно-рациональное регулирование отношений. Обобщенно говоря, они регулировались, были «закрыты» духовностью, культурой. Открытое общество от этих пут освобождается, в нем разрешено все, что не запрещено законом, который все формализует и кодифицирует. Опираясь на целерациональное, социотехническое регулирование и бюрократию, оно становится «системой всеобщей полезности» – цивилизацией.

Несмотря на яркое, впечатляющее описание К. Марксом проникновения рынка во все поры жизни, для того времени его можно считать художественным преувеличением, что особенно заметно при сравнении с нынешней ситуацией. Вначале рынок «сосуществовал» с культурой, экономика была ядром, системообразующим фактором общества, главным, но не единственным. Это была *общественно-экономическая* формация. Марксисты отрекались от трактовки своего учения в духе экономического детерминизма, настаивая на воздействии на экономику «надстройки», других сфер общественной жизни, подчеркивая, что они развиваются по собственным законам. Капитализм XIX века не был и всемирным явлением, хотя влиял на страны Азии и Африки, а после революции в России на социалистически ориентированные «тоталитарные» общества. Зато сейчас марксистская теория приоритетности экономического в системе общества, под крики о ее крахе, торжествует как никогда.

⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Избранные произведения. М., 1990. С. 94.

⁸ Там же, С. 94.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 426.

Новый этап в развитии капиталистических отношений наступил после распада закрытых «социалистических» обществ. Рынок, выгода, прибыль стали практически всеобщей формой жизни людей, поистине глобальным явлением, что позволило провозгласить открытое общество «светлым будущим всего человечества». Расчет, купля-продажа из сферы материального производства и потребления проникли в казалось бы несовместимые с этими подходами области жизни. В научном творчестве – интеллектуальная собственность, в искусстве – шоу-бизнес, о спорте как бескорыстном соревновании сил и умов приходится только вспоминать, в интимных отношениях продажная любовь дошла до точных преysкурантов на ее разные способы, семьи скрепляются партнерскими контрактами. Появились представители «религиозного бизнеса», торгующие богом намного результативнее, чем когда покупали индульгенции. Дискредитируются последние, остаточные формы чего-либо нетоварного, самоценного, экзистенциального. «Выгода никогда не отважится переступить мой порог», – говорил Уильям Блейк. Ах, поэты-романтики, вообще поэты, где Вы теперь? В погоне за прибылью возбуждаются самые низменные и саморазрушительные потенции противоречивой человеческой природы. Все критикуют телевидение за то, что оно стало орудием разложения личности. И никто ничего не может с этим поделать. Потому что эксплуатация страстей, пороков и болезней людей стала после эксплуатации природы и новых технологий третьим по важности источником прибыли. Без изменения социальных отношений и обуздания капитала, человека как личность не спасти. Особенно изощренный критик и «деконструктор» культуры Ж. Деррида не хочет смириться с тем, что человек вообще способен делать что-то бескорыстное. Дар, подарок, служение, любовь – «фальшивые монеты», ибо одаряемый всегда испытывает чувство признательности в отношении дарителя, который в свою очередь, может получить от сделанного подарка чувство удовлетворения. Выходит, что подарка в чистом виде не существует, поскольку по своей природе он не должен включаться в экономические отношения. «Если подарок проявляется или означает, – утверждает Ж. Деррида, – если он существует или есть в настоящее время *как подарок*, как то, что он есть, тогда он не есть, он аннулируется. По крайней мере, сущности подарка /его бытия или проявления, его как такового, поскольку оно имеет интенциональное значение или означивание/ достаточно, чтобы аннулировать подарок. Сущность подарка равноценна не-подарку или не-истине подарка».¹⁰ Развенчать Добро – вот конечная цель постмодернистской «этики», если о таковой в этом случае можно говорить. Она отражает и усиливает процесс его размыwania в реальных человеческих отношениях.

Точно никто не знает, но социологи считают, что 90% разговоров среднего американца связаны с деньгами – как их занять и на что потратить: «Как, Вы еще не пользовались низорал-шампунем?» Все другие интересы и события мира укладываются в оставшиеся 10%. Его достоинство тоже определяется экономически: «сколько этот человек стоит». Для характеристики подобного общества и содержания сознания его членов понятий рынка, капитализма недостаточно. Они слишком конкретные, отраслевые. Целесообразно признать, что к началу XXI века духовно-политический тоталитаризм потерпел полное поражение от утилитаризма и в наиболее развитых странах Запада сформировалось глобальное *экономическое общество*, а также соответствующий ему тип человека – Номо есоnотісus. Экономическое общество, экономический человек – не метафоры, а наиболее адекватные теоретические понятия для выражения современных форм жизни. Рыночное, капиталистическое, гражданское – слишком частные, специфические, а свободное, открытое – слишком абстрактные, демагогические характеристики такого общества. Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истиной функционирования и идеологией которой является экономизм. Экономизм – это когда через призму рентабельности рассматривается практически все, что существует и экономика из системообразующего фактора превращается в систему в целом.

¹⁰ Derrida J. La fausse monnaie. Paris, Galiles, 1998. P. 42.

Экономизм – социально институционализированный эгоизм. В результате духовность вытесняется на периферию жизни, в филантропию, а от обозначающих ее слов остаются пустые оболочки. Взывать к совести – сентиментально, напоминать о долге – идеализм или «эсхатологическое сознание», верить – наивно, любовь – эмоциональное рабство, патриотизм – «мы этого не понимаем» и т. п. Скоро начнут ставить вопрос о рентабельности человека, спрашивать для чего нужны люди вообще и в чем польза счастья. Поскольку, я как говорил мизантропически настроенный А. Шопенгауэр, «жизнь – это предприятие, которое не покрывает своих расходов», ее готовятся объявить банкротом и назначить внешнее (технологическое) управление. Богу в атмосфере экономизма нечем дышать, он болеет, ему воздают формальные почести (и то все меньше, то и дело переходя к прямому опошлению и дискредитации, в последнее время особенно Христа), а фактически поклоняются сатане, дьяволу (преимущественно желтому). Сатана не требует «служения», ему угодить легче – служите себе. Образуется мир без должного, только сущее, что означает его впадение в состояние своеобразной гуманитарной энтропии. Эгоизация и индивидуализация бытия гораздо эффективнее обезбоживают мир, нежели это делали атеисты, завзятые и сознательные борцы с религией. Они боролись с Богом на почве духовности, за *другую* духовность. Экономизм уничтожает саму ее почву.

Бездуховность экономического общества не отклонение или какая-то его ущербность в организации и структуре. Она вытекает из его сути как выражение преобразовательно-потребительского отношения к миру. Не уравновешенное альтруистичностью и служением, заботой о судьбе ис/по/требляемой природы, неизбежное перенесение этого отношения на людей делает экономику из средства развития жизни в средство ее подрыва. Экономика трансформируется в экономизм. Подобно тому как вышедшие из-под общего управления и начавшие развиваться по собственной программе клетки живого организма приводят его к раковому заболеванию, так деятельность не считающихся с судьбой целого индивидов ведет это целое к разложению. Деньги в сфере духа – логика. Всюду деньги – всюду рациональность, расчет, эквивалентность. Экономический человек становится безличным, что не означает его тупости или несостоятельности во всех отношениях. Это новый тип человека – Актор. Как потребитель, интеллектual, технократ, эффективный и «самодостаточный» делец он органичен для товарно-денежного производства. Но именно для производства. Однако эти свойства он обычно переносит в культуру, а потерей души и духа, собственно живого начала может даже гордиться. «Гройс обладает уникальным сочетанием четкости математического ума и чрезвычайной артистичности. Ему в Германии не раз говорили, что во время выступлений он выглядит как шоумен. Он легко приемлет мнение другого человека, ему чужда атмосфера русского спора. Ощущается его непогруженность в человеческие страсти. В этом отношении он полумертвец, что я очень уважаю, это качество в нем развито даже больше, чем во мне. В общем, личность Бориса Ефимовича мне близка и понятна»¹¹. Если не сводить жизнь к производству и коммерческому функционированию, пусть даже «артистическому», проблема в том, чтобы подобные качества оставались в их пределах, а в остальных сферах бытия человек мог проявлять себя не как «полумертвец» и биоробот, а как целостное духовное существо. Как более или менее совершенная Личность.

В странах «победившего экономизма» кроме абсолютных бездумных рыночников немало людей встревоженных таким развитием событий. Достаточно вспомнить Э. Фромма, Франкфуртскую школу, Ж. Батая, коммунистическое, вообще левое, а теперь антиглобалистское движение. Официальный лозунг социал-демократических партий Европы: «рыночная экономика, но не рыночное общество». Они стремятся противостоять прямому переносу законов экономики, то есть всеобщей продажности, на сферу искусства, образования, вообще культуры, личных и межчеловеческих отношений. В этом глубинный смысл социального регули-

¹¹ Пригов Дмитрий, Шаповал Сергей. Портретная галерея Д. А. П. М., НЛО. 2003. С. 143.

рования рынка как установления пределов экономизма, подчинения стремления к прибыли и потребительству более высоким целям. С точки зрения сохранения духовности и экзистенциального измерения мира его можно назвать гуманитарным регулированием. Не случайно, что «чистые», «настоящие» экономисты, иначе говоря, узкие, тупые профессионалы всегда осуждают подобное вмешательство в экономику, и они всегда либеральны. Не случайно также Блок говорил: «Я художник и потому не либерал». Против «рыночного фундаментализма» выступил даже Дж. Сорос. Сложившееся на Западе общество, которое принято считать открытым и к достижению которого как к идеалу устремился мир, он неожиданно для своих адептов подверг резкой критике. За отсутствие в нем... духовности. И соглашается признать только «переходным» к какому-то новому, где экономика служила бы общему благу. «Переходное общество подрывает общественные ценности и ослабляет сдерживающие моральные факторы. Общественные ценности выражают заботу о других. Они подразумевают, что личность принадлежит обществу, будь то семья, племя, нация или человечество, интересы которого должны превышать интересы отдельной личности (! – В. К.)... В моей новой формулировке открытое общество не находится в оппозиции к закрытому обществу, а занимает ненадежное промежуточное положение, в котором ему угрожают со всех сторон универсальные идеи, доведенные до логического завершения, это все виды экстремизма, включая рыночный фундаментализм».¹²

Определенные надежды в реализации своего нового идеала «смешанного общества» Дж. Сорос возлагал на Россию, для чего были исторические основания. Увы. Экономизм, контргуманистические тенденции продолжает превалировать, хотя без сопротивления им дело было бы намного хуже. Парадокс России в том, что здесь стоит всеобщий плач по культуре и духовности, распространены упования на них, при одновременном желании достичь тех же результатов, что и в странах передового экономизма. Малосовместимость этих целей – не замечается. Пафос «догнать и перегнать» подавляет традицию критического отношения к экономизму как в русской дореволюционной общественной мысли, так и опыт попыток, пусть незавершившихся и неудачных, его преодоления в социалистическую эпоху. «Американизм, – писал В. В. Розанов ещё в начале XX столетия, – есть столь же устойчивый и кардинальный момент в истории, как Греция и Рим. „Мы будем торговать, а остальное неважно“. Мы (Россия) живём в этом моменте мещанства, мы только что в него вступаем... Европа, как и Азия, в конце концов побеждаются Америкой. Американизм есть принцип, как „классицизм“, как „христианство“. Америка есть первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещенной, живёт без идей. Вот это существование без высших идей побеждает и едва ли не победило христианство, как христианство некогда победило классицизм».¹³ Сущность американизма – экономизм. И не отдавая отчета в этом глобальном противоречии между духовностью и экономизмом трудно избежать тупиковой для человека, как признает большинство ответственных мыслителей, перспективы либерально-утилитарного пути. Нечего тогда говорить и об особой, «спасительной», на что многим хотелось бы надеяться, миссии России в современном мире.

¹² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма /Открытое общество в опасности/. М., 1999. С. 98. Более полный анализ этой необычной книги см.: Два Сороса. // Общественные науки и современность. 2000. № 3.

¹³ Розанов В. В. Собр. соч. М., 1994. С. 111–112.

3. Как возможна постэкономическая цивилизация

По большому счету дальнейшее существование культуры, духовности и человека в качестве личности мыслимо только при переходе к иному, не рыночно-индивидуалистическому типу общественного развития. При условии преодоления экономизма как принципа жизни. Несогласие с экономизмом, а часто его категорическое отрицание зародилось вместе с ним. Если вынести за скобки первобытный коммунизм, античные, раннехристианские или средневековые формы общественной жизни, то прежде всего в теориях утопического социализма. Переход капитализма в промышленную стадию вывел на сцену практическое социалистическое движение, которое с тех пор стало своеобразным двойником частнособственнических отношений. В первой половине XX века оно, как известно, реализовалось в виде особой хозяйственной системы и социально-политического устройства. Предполагалось, что в дальнейшем социализм преобразуется в коммунизм и тогда человечество окончательно освободится от расчета и корыстных интересов, вызываемых борьбой за долю произведенного продукта. Возможность бесплатно, «по потребности» иметь от общества все что нужно для обеспеченной и культурной жизни изменит характер людей. Избавление от постоянных опасений за социальную судьбу оздоровит их психику, откроет перспективу радостного бытия и свободного духовного роста. Человек в основном посвятит себя высоким интересам, среди которых самыми привлекательными станут творчество и забота о других людях. Он сохранит индивидуальность, но это будет индивидуальность не эгоиста, а всесторонне развитой совершенной личности.

Поражение «реального социализма» в хозяйственном соревновании с экономизмом, за которым последовал социально-политический распад, как бы вновь превратил его в утопию. Рынок, товарно-денежные отношения и либерализм стали представляться единственно «правильным» путем прогресса. Говорить о преодолении экономизма в таких условиях – значит бросать вызов объективному ходу вещей, а говорить о социализме, тем более в бывших социалистических странах нельзя или бесполезно. (Отлученный от «свободных» средств массовой информации автор сразу попадает в гетто для оппозиции). Однако по мере того как индустриальное общество перерастает в постиндустриальное, идеи исчерпания частной собственности, рыночных отношений, конкуренции как образа жизни опять стали давать о себе знать. Высказываются они на Западе людьми не связанными с социалистически-коммунистической ориентацией. Появилась целая серия работ, где в разных вариантах (постбуржуазное, посткапиталистическое, пострыночное, постпотребительское) прокламируется конец экономического общества.¹⁴

Их ведущим постулатом является мысль, что в постиндустриальном обществе в сфере высоких информационных технологий принципы экономизма перестают быть эффективными. Производство так усложняется, что требует не конкуренции, а планирования вплоть до логистики, обладание собственностью становится юридической фикцией, богатство – записью в банке, прибыль получается не за счет эксплуатации, а за счет развития творческих способностей работника и т. д. Транснациональные производственные компании трансформируются в так называемые адаптивные и креативные корпорации, важнейшим ресурсом которых является неэкономическая мотивация их деятельности. Многие привычные условия функционирования капитала становятся ненужными, бессмысленными. Возникает своеобразная техно-и номократическая система, в которой главную роль играют интеллект и образование. В Рос-

¹⁴ См.: Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995; Его же. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения. // Вопросы философии. 1997, № 10; Шульдин Б. П. Российская цивилизация и современный технологический переворот. // Путь России. Приложение к альманаху «Вече». СПб. – Н. Новгород. 1995; Трансформация современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общества. / Круглый стол. // Вопросы философии. 2000, № 1.

сии из-за продолжающейся либеральной приватизации идеи постиндустриального становления ноосферы /так принято в нашей литературе называть техносферу/ с проблемой преодоления экономизма не связываются. Их продолжают обсуждать в основном внутри социалистического движения. Но характерно, что в трактовке самого социализма усиливаются техницистские мотивы. Его опирают на ту же базу научно-технического обобществления собственности и вызываемой им необходимости глобального управления, хотя в последнее время публикуются исследования, где предприняты попытки сопряжения защиты марксистской методологической традиции с новейшими тенденциями постэкономического развития.¹⁵

Итак, является ли постиндустриальное общество в то же время постэкономическим? Если оно постэкономическое, то означает ли его «после» преодоления кризиса культуры, духовности и личности, к которому привела экспансия экономизма?

К сожалению, больше нет, чем да. Глобальная постиндустриальная цивилизация, приглушая мотивы индивидуализма и эгоизма своих членов, приостанавливая их атомизацию, делает это не через культуру и духовность, а социотехнически, через лишение свободы. Экономическая рациональность сменяется технологической. Человек-актор дрейфует не в сторону личности, а в сторону превращения в «агента» системы. Его индивидуализм смягчается не сближением и сотрудничеством с другими людьми, а повышением зависимости от законов социотехнической деятельности, отчуждение преодолевается не стремлением к общению, а ростом количества формальных коммуникационных контактов, то есть в сущности не преодолевается. Вместо отходящих на второй план материальных интересов развивается не доброта и любовь к ближнему, а погоня за информацией и интеллектуальной собственностью, престижное символическое потребление. Когда говорят о замене труда (labour) творчеством (creativity), то под последним имеется ввиду творчество техническое. Если экономический человек находится в зависимости от потребностей общественного производства и из цели экономики превращается в ее средство, то в постиндустриализме уже само общественное производство начинает определяться законами эволюции одной из своих частей – техники. И человек, и производство – «предлог для прогресса». «Третий кит» современности тучнеет на глазах, грозя вытолкнуть первых двух – культуру и экономику – на мелководье, потом на сушу, и заполнить собой всё море жизни. Сущностью глобализма (по-старому империализма) является технологизм.

Глобальный технологизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности и даже актора в агента как человеческий фактор Техноса. Человеческий фактор, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Лишение индивида имени, замена его номером и тем более «клеймение», всегда воспринималось как надругательство над достоинством человека. Но если номер обещают ставить не каленым железом, а лазерным лучом и хранить в компьютере, то у «прогрессивной общественности» особых возражений нет. Протестуют консерваторы, фундаменталисты и прочие антиглобалисты. Слежка за гражданином, наружное наблюдение и письменные доносы – тоталитаризм, стукачество, но если посредством телекамер просматриваются целые кварталы и обо всем подозрительном предлагается звонить по специально объявленным телефонам, это воспринимается как необходимость обеспечения общественной безопасности. Поставьте «телескринов» больше, наблюдайте на всех станциях метро, умоляют обыватели правовых государств. Обыск в форме ощупывания одежды руками отвергается как нечто унижительное, но если по телу водят электронной палкой, все стоят как покорные бараны. И т. д. и т. п. Лишь бы не со стороны живых людей, не от имени культуры, тех-

¹⁵ Drucker P. F. Post-Capitalism society. N. Y. 1983 Makhijani A. From Global Capitalism to economical justices. N. Y. 1991; Gates B. The Road Ahead. N. Y. 1996; Rifkin J. The End of Work N. Y. 1996; Heilbrunner R. L. Business Civilization in Decline. N. Y. 1976; Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. N. J., 1997; etc.

ником – и свободолюбивые либералы соглашаются на самый тотальный контроль. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционные, культурные, разница в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая.

Аналогичные процессы идут в сфере управления. Хотя в современных условиях управленческие подходы ко всему и вся переживают бум («революция менеджеров»), в тенденции они, как собственно человеческая деятельность, утрачивают свое значение. История управления движется к потере его субъектного характера. «Зачем бить бичом, когда достаточно плетки» – увещевали гуманные римляне своих жестокосердных сограждан. Бич, плетка, нагайка, наказание голодом были необходимой, нормальной формой управления полностью подневольными работниками. При этом менеджер сам должен обладать немалой силой, являясь как бы двигателем, условием начала и продолжения трудового процесса. Он должен непрерывно его «поджигать». В наше время подобное управление если и встречается, то в чрезвычайных ситуациях, обычно в отношении военнопленных и осужденных. Свободные и хотя бы частично самостоятельные трудящиеся не требуют столь жесткого стимулирования. В феодальном обществе управленец прибегал к силе только в состоянии гнева и раздражения: «удар зубодробительный, удар искросыпительный, удар скуловорот». Но руководить все равно приходилось непосредственно: «рукой водить», показывая, что, как и сколько надо делать. Прямая включенность в производственный процесс – характерная черта управления во всех традиционных, доиндустриальных обществах. Оно вещественное, физическое.

В XX веке «контактное» управление стало редким и привлекает нездоровое внимание общественности. Приоритет переходит к сфере духа. Подчиненных «вызывают на ковер», им «ставят на вид», «объявляют выговор», что сопровождается бранью, угрозами лишить премии или уволить, сверканием глаз и топанием ног. Все рядом, чувственно, но на дистанции, «без рук». Отчуждение управленца от управляемых доходит до того, что «выговор», требующий по своему смыслу присутствия виновника, может даваться вывешиванием бумажки на доске объявлений. Цепочка посредников между высшим руководством и исполнителями становится все длиннее. Однако менеджер должен знать дело, которым управляет, он дает указания, выпускает распоряжения по организации производства, а иногда и сам должен уметь исполнить то, что приказывает. В трудных ситуациях он может это продемонстрировать. Для него важен опыт, жизненная мудрость, способность направлять работников к достижению поставленных целей. Посылая импульсы к деятельности, лишая и награждая, требуя и оценивая результаты, он заряжает подчиненных энергией и желанием работать. Это волевое, харизматическое управление.

Сейчас оно уходит в прошлое, прежде всего в странах, вовлеченных в информационную революцию. На первый план выступает поиск рациональной схемы работы, оптимизация взаимодействия финансовых и материально-энергетических потоков. Трудящихся организует непрерывно движущийся конвейер, в который они включены буквально, «на линии» или опосредовано, как звенья общей технологической цепи. В процессе самой работы их не надо стимулировать ни физически, ни духовно. В случае дисфункционального поведения, их заменяют подобно отбракованным деталям. Это вопросы технические, «для служащих». Собственно управленец не обязан знать ни само производство, ни занятых в нем людей. Имея о нем приблизительное представление, он «рулит» контурами различных хозяйственных связей, стремясь замкнуть их на себя. Для его личности важен интеллект, как можно более полное владение информацией, умение просчитывать ситуацию, а на высшем уровне не столько распоряжаться, сколько договариваться.

Выхолащивание из менеджерской практики властного, телесно-духовного компонента актуализирует критику «мифов и легенд» о роли человека в нем, о выдающихся субъектах этой сферы, «гуру», которые силой своего авторитета и влияния на людей добивались впечатляющих результатов. Или требуют «покончить с менеджерским беспределом», когда руководитель позволяет себе принимать самостоятельные решения. В этом новом подходе к пони-

манию предназначения менеджера прослеживается заказ объективных обстоятельств на чисто функциональное, «постчеловеческое» управление, которое, в пределе, реализуется в логистической организации хозяйственных связей, постепенно все более расширяющейся, приобретающей глобальные масштабы. Модель безлюдного автоматизированного завода выходит за пределы места-здания и функционирует как детерриторизованная система. Идеалом управления становится его отсутствие.

Конец управления явственно прослеживается в его теоретической трактовке. «Менеджер – это специалист по управлению, который разрабатывает планы, определяет *что* и *когда* делать, *как* и *кто* будет выполнять намеченное, *разрабатывает рабочие процедуры* (технологии) применительно ко всем стадиям управленческого цикла, осуществляет контроль».¹⁶ Здесь не предполагается ни волевой, ни какой-либо другой иницилирующей труд активности. Не оставлено и зазора для учета особенностей исполнителя. Это скорее круг обязанностей специалиста по составлению инструкций и схем деятельности. Управленческое отношение редуцируется к технологическому, превращаясь, в сущности говоря, в программирование. Сначала «ручное», примитивное, а потом компьютерное, машинное. Возникает «информационный менеджмент», квалифицируемый как «новая эра в управлении». Но человек в нем присутствует в лучшем случае в качестве фактора. Оптимисты полагают, что на его долю останется роль заказчика, постановщика целей для управления. Это, по-видимому, иллюзия. Не управляя средствами, нельзя иметь, тем более реализовывать, своих целей. Это безсубъектное технологическое пост/не/управление.

В ближайшей перспективе возможно образование интеллектуально-технологических систем, которые непосредственно, без финансовых расчетов будут объединять субъектов хозяйства, управления, а потом и жизни в некую общую транснациональную систему. «Через искусственный спутник Земли центральный компьютер конкретного предприятия включен в глобальную коммуникационную сеть, по которой получает руководящие программы и может связываться с локальными сетями субподрядчика».¹⁷

¹⁶ Психология управления. СПб., 2000. С. 7.

¹⁷ Рувинова Э. Управление производством XXI века. Фантастика и реальность. // Электроника. / наука, технология, бизнес/. 1996. № 6. С. 61.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.